ПЫТЛИВАЯ БАБА.

Жилъ былъ мужичекъ–Сморчекъ, и былъ онъ охотникъ; пашни онъ не покидалъ, а порою полевалъ и лѣсовалъ, добывая хлѣбъ дома, а подати на сторонѣ: промежъ сохи и бороны не ухоронишься, чѣмъ–нибудь промышлять надо. Жила была съ мужичкомъ и баба; она бы себѣ и ничего, только ужь больно пытлива была: съ оглядкой по улицѣ ступала, наслуху ходила и все знала, все видала; а ужь мужу своему, Сморчку–мужичку, ни ступить, ни вздохнуть не давала, не спрося: куда, почто, о чемъ да покомъ? Вотъ разъ какъ–то пришелъ Сморчекъ съ поля, а она заслышавъ собакъ его, кинулась на встрѣчу, оглядѣла его, отобрала и сосчитала добычу, собрала поужинать и стала его обо всемъ разспрашивать. Надокучили ему спросы эти: — Погоди, говоритъ, — дай напередъ прожевать да проглотить, вѣдь я весь день не ѣлъ; а

поужинавши говоритъ: — постой, баба, дай Богу помолиться, а молясь, на постель, – накрылся, сказавъ: – усталъ я, спать хочу, и замолчалъ, какъ воды въ ротъ набралъ, сколько баба не верещала. Легла наконецъ и она, и оба уснули.

Ночью собаки на дворѣ надоѣдали неугомоннымъ лаемъ, а тамъ стали визжать у дверей. — Что–нибудь да не даромъ, подумалъ проснувшися мужичекъ, — у меня собаки умныя, пустой тревоги не затѣятъ, надо поглядѣть, — и вышелъ на дворъ: дождь льетъ ливмя, а собаки къ нему кинулись и проводили его до воротъ, ласкались и лаяли въ подворотню; мужичекъ Сморчекъ отперъ калитку, выглянулъ, — анъ на землѣ, прислонившись къ столбу, сидитъ старичекъ, весь до нитки промокъ, до костей продрогъ, чуть живъ. — Сердечный, подумалъ Сморчекъ, — надо поболѣть объ немъ, авось онъ за это Богу славу воздастъ; взялъ его въ избу, раздѣлъ и одѣлъ, велѣлъ женѣ накормить, уложилъ на печь; одежу его повѣсилъ для прсушки, а собакъ, ради непогоды, пустилъ въ сѣни.

На зарѣ Сморчекъ собрался опять въ лѣсъ, самъ поѣлъ и старика накормилъ, и двумъ собакамъ своимъ по доброму ломтю, взялъ ружье и пошелъ. Старикъ проводилъ его, много спасибился, и Божью милость на него призывалъ, а тамъ прибавилъ: — Ты человѣкъ милосердный, не токмо до людей, но и до скота; за это дастся тебѣ диво, познаешь ты звѣриную премудрость.

— Какое это диво? подумалъ Сморчекъ, — и какая такая звѣриная премудрость? — неужто тварь безсловесная мудрѣе человѣка бываетъ? И пошелъ себѣ далѣе. Онъ выходилъ весь день и полевалъ хорошо, а къ вечеру набрелъ на диво: Горитъ пень, а во пнѣ на огнѣ свернувшись лежитъ змѣя. Сморчекъ мужичекъ сталъ дивиться, а змѣя ему и говоритъ: — Я змѣя, Божья тварь, сотворена не по хоти своей, а по людскимъ грѣхамъ; изыми ты меня изъ огня, изъ полымя! — Коль же я тебя изыму, сказалъ охотникъ, — тогда отъ недобраго зубка твоего можетъ человѣку и скоту зло и смерть приключиться? — Я тебѣ зарокъ дамъ, отвѣчала змѣя, — за себя, за дѣтокъ

своихъ, что лягушекъ глотать, по исконному обычаю, мы станемъ, а ни скота, ни человѣка впредь не тронемъ; а тебя научу я заговору отъ укуса змѣинаго, и ухо твое открою на звѣриную и птичью рѣчъ. Да какъ же я тебя добуду изъ огня? — А ты мнѣ подставь ружье свое, я заползу въ стволъ, и вынешь меня. Сказано сдѣлано; змѣя отползла, пересказала охотнику заговоръ отъ укуса и прибавила: — Спасибо тебѣ, Сморчекъ! Теперь ты будешь разумѣть всякую звѣриную рѣчъ и птичій говороъ и пташій щебетъ, — только ты никому эту премудрость не сказывай; буде же не послушаешься меня, либо проговоришься, да скажешь кому, такъ умрешь смертью. А сама и была такова!

Пошелъ охотникъ нашъ дальше, подумывая о томъ, что надъ нимъ сталось, и застигла его ночъ, а до дому не близко; онъ разложилъ костеръ, ради осенняго холоду, улегся подлѣ съ двумя собаками своими, Рыжкой да Бѣляшкой, которыя у него и дворъ стерегли, и его берегли, и рябчика облаивали, и зайца гоняли. Только

что сталъ было онъ засыпать, какъ слышитъ, бесѣдуютъ промежъ себя, на своемъ песьемъ языкѣ, собаки, а онъ все понимаетъ, и называютъ онѣ другъ друга братомъ. — Ну братъ, говоритъ Рыжка Бѣлянкѣ, — ты ночуй тутъ съ хозяиномъ, я домой побѣгу, а къ свѣту опять буду; надо постеречи домъ, хозяйка одна дома, какъ бы ее не обидѣли воры. — Ладно, ступай, говоритъ та, — что дѣло, то дѣло; хоть она, хозяйка–то, и не больно жалостлива до насъ и кормитъ плохо, а все послужитъ надо, мы въ такой шкурѣ ходимъ.

Рано на зарѣ Сморчекъ мужичекъ проснулся, а ужь Рыжка воротилась изъ дому: — Здравствуй, братъ, говоритъ она Бѣлянкѣ. — Здорово! отвѣчала та. — Что у васъ въ полѣ все ли по добру? — Слава Богу, ничего; а тебѣ дома какого поспалось? — Не до сна было, братишка; хозяйка обругала: нелегкая–де тебя принесла; я ластиться стала, поѣсть просила; она кинула мнѣ такую горѣлую корку, что я понюхала, да и отошла: — одинъ уголь! а она меня за это кочергой

употчивала; о полночь послышала я что–то неладное у амбара, кинулась туда, анъ Гришка Чумазый, знаешь, изъ Солодихи, притаился за угломъ; я такой гамъ подняла, что всѣхъ взбудоражила, и, заливаясь сполошь пролаяла, всѣхъ собакъ съ села скликала, воръ Гришка насилу ушелъ. — Ну, ладно, братъ, говоритъ Бѣлянка, — ты свое дѣло сдѣлала; на хозяина служить надо — такая наша доля.

А Сморчекъ все это слушаетъ и на–усъ мотаетъ. Вотъ пошелъ онъ домой, и первымъ долгомъ встрѣчаетъ отъявленнаго вора Гришку Чумазова. — Здорово съ промыслу! говоритъ ему Чумазый, прикинувшись добрымъ человѣкомъ. — Не поздоровилось бы тебѣ, Гришка, съ твоего промысла, отвѣчаетъ Сморчекъ; — ты въ ночи почто къ моему амбару подбирался? И пошелъ дальше; а Гришка стоитъ, словно его кто перелобанилъ: не надивился онъ, почему Сморчекъ, идучи съ поля, знаетъ, что онъ ночью былъ у его амбара?

Пришелъ Сморчекъ домой: — Здорово хозяйка! — Здравствуй, хозяинъ! — А что,

вечоръ прибѣгалъ домой Рыжка? — Прибѣгалъ. Что–жь, ты чай накормила его? — Какъ же, накормила; кринку молока налила и хлѣба покрошила. — Ну, врешь! ты кинула ему горѣлую корку, да употчивала кочергой. Озадаченная хозяйка выпучила глаза, а опомнясь повинилась и пристала къ мужу: — Какъ–де ты про это узналъ, скажи да скажи! — Нельзя, отвѣчалъ Сморчекъ мужичекъ, — невелѣно сказывать! — Кто не велѣлъ? Почему не велѣлъ? — Нельзя говорить, полно пытать! — Ты во всемъ отъ меня таишься, ты все меня обманываешь, скажи, миленькій! — Право слово не могу! — Кому нельзя, а женѣ можно; скажи мнѣ, голубчикъ! — Нельзя, не могу. — Что–жь я у тебя за кромѣшная такая, ни во что ты меня не ставишь, въ обидахъ ты меня держишь! — Вотъ притча сталась! сказалъ мужикъ, — сама худо сдѣлала, солгала, а я же передъ нею виноватъ сталъ! — Ну такъ скажи же, голубчикъ! — Тебѣ, говорятъ, нельзя; коли скажу, такь смерть получу, помру! — Ничего, миленькій, только ужь ты

мнѣ скажи! — Да вѣдь ты слышишь, что помру на мѣстѣ, коли скажу! — Ничего, голубчикъ, скажи! — Что станешь дѣлать съ глупой бабой! — хоть умри, да скажи! — Ну, ряди меня въ саванъ, давай бѣлую рубаху! — Она кинулась бѣгомъ, достала рубаху и подала; мужичекъ надѣлъ ее, перекрестился, легъ въ переднемъ углу на лавку, подъ образа, и руки сложилъ; а хозяйка взвыла, подсѣла къ нему, а сама причитая упрашиваетъ: — Ну, скажи же, миленькій ты мой, скажи!

На ту пору, куры опрометью вбѣжали съ крикомъ въ избу, а за ними по пятамъ пѣтухъ, и началъ гвоздить ихъ, то ту, то другую: — Вотъ де я съ вами раздѣлаюсь! Вѣдь я не такой дуракъ, какъ хозяинъ нашъ, что и съ одной глупой бабой не справится! я васъ всѣхъ по перышку переберу!

Услышавъ это и понявъ рѣчи пѣтуха, Сморчекъ подумалъ: — А чтобъ я и вправду за дуракъ дался ей? самъ вскочилъ съ лавки, и давай учить бабу по пѣтушьему.

В. ДАЛЬ